

Экономико-правовая реальность проектного капитализма

© Зембатов М. Р.

© Zembatov M.

Экономико-правовая реальность проектного капитализма

Economic-legal reality of project capitalism

Аннотация. Рассмотрены характерные особенности современных направлений формирования и развития права как регулятора экономической реальности, обусловленные нарастающим темпом перемен социально-экономического устройства, трансформацией функции государства, проектным характером социально значимых форм экономического взаимодействия субъектов гражданского оборота.

Annotation. In this study the analysis of the modern trends of law development and legal reality are considered. The influence of law development and legal reality on the economics regulation and their interaction due to the growing pace of changes in the socioeconomic structure, the transformation of the state function and the project nature of the newly emerging and changing socially significant forms of economic interaction among the subjects of civil circulation are investigated.

Ключевые слова. Проектный капитализм, право, глобализация, государство, правоохранительная функция, законодательство.

Key words. Project capitalism, law, globalization, state, law enforcement, legislation.

В нынешнюю пору напряженной политехнизации единственным способом обеспечить хотя бы временно благополучие человеческого множества будет чистка гуманитарно отвлеченных наук... Юридически расплывчатые моральные заповеди... успешно вытесняются жесткими параграфами коммунального общежития с реалистической профилактикой преступления... Современному обществу при его нынешних катастрофических скоростях просто некогда ждать, пока сработает охранительное реле чьей-то совести...

Л. Леонов. Пирамида.

Перемены в экономической и общественной жизни таковы, что их характер, направленность и скорость не позволяют найти для них аналогий в обозримой человеческой истории. Изменения, затрагивающие самые основы экономико-правового уклада жизни общества и государства, происходят повсеместно. Возрастает скорость пополнения законодательной базы, и даже фундамент законодательства современного демократического государства — конституция — подвергается в большинстве современных правовых систем изменениям.

ЗЕМБАТОВ Марат Русланович — руководитель Центра экономико-правового анализа Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ (г. Москва), кандидат экономических наук.

Появляются новые виды уже не деривативов или денежных суррогатов, но самих денег — криптовалюты. Возникают новые правоотношения. Стабильность, которая основывалась на устоявшихся формах взаимодействия экономики и права, уходит из правовой действительности.

1

Существенный вклад в ускорение изменения экономико-правовой реальности вносят современные информационные технологии. Меняют они и представление об облике юридической профессии. Доступ к обширным массивам правовой информации навсегда изменил критерии профессионализма, сместив их от «знаю, как» к «знаю, где найти». Размывание основ юридического мышления начинается с нивелировки отграничения юридически значимых фактов от фактов бытовой и социальной жизни вообще (что с легкостью продемонстрирует видеокамера, вмонтированная в ноутбук) и с ликвидации барьеров доступа к информации, монополия на которую и делала раньше юриста юристом. Уже идет речь об «электронном правосудии», подаче исков в суд в электронном виде и других нововведениях, немыслимых еще десятилетие назад и вполне способных породить вопросы о замене человека-юриста юристом-машиной.

Право, выходящее за рамки наработанной веками техники нормативного регулирования общественной жизни, указывает на перемены в социальной и экономической динамике, природа которых, давно ощущаемая, все еще не до конца понята. Начало наблюдаемым процессам социальных и экономических перемен было положено в странах рыночных демократий во второй половине прошлого века. В обобщенной форме воздействие этой социоэкономической динамики на правовую реальность было описано французским мыслителем и правоведом Норбером Руланом как неожиданное обновление юридической реальности, влекущее за собой потерю актуальности «юридического мышления, сформированного учебниками». С социальной обусловленностью правовых перемен, по его мысли, связана и атомизация правовой системы по субъектно зависимому принципу, при которой «постепенно постмодернистское право возвращается к разделению на традиционные формы права, соответствующие обществу как совокупности групп, в котором функция превалирует над личностью» [22. С. 249].

Являясь продуктом воздействия социально-экономической реальности, правовая регламентация, в свою очередь, со временем изменяет структуру вызвавших ее к жизни явлений. Роль экономики в этой реальности — в формировании мотиваций, которые приведут к созданию беслично действующих институтов. А поддержание жизнеспособности общественно-экономических институтов основывается на способности государства «устанавливать согласие или, по крайней мере, внушать страх и покорность в отношении существующего порядка» с помощью «внедрения правил, которые управляют институтами и организациями общества» [7. С. 20].

Капитализм будущего — это инструмент формирования контекста взаимодействия государства и общества с помощью социоэкономической динамики. А центром этой динамики является примат общественно значимой функции над личностью, который и определит облик будущего.

На фоне попыток стратегического анализа будущего капитализма выделяется система взглядов Жака Аттали. В своей «Краткой истории будущего» он выводит из прошлых опытов капитализма описание его девяти «сердец» (центров наиболее передовых социальных и экономических технологий) — от Брюгге (1220—1350) до Лос-Анжелеса (1980—?), делая вывод о неизбежности в будущем наступления новых больших периодов особой организации производительных и политических сил, которые автор называет «гиперимперией», «новым кочевничеством» и «гипердемократией» [1].

2

Новый капитализм становится капитализмом проектным. Возникновение новых сетей, влекущее за собой возникновение новых, зачастую временных, ценностей, как нельзя лучше описывается термином «проектный». Этот проектный способ производства и существования обладает своим духом. Глубокое исследование Л. Болтански и Э. Кьяпелло «Новый дух капитализма» [4] акцентирует внимание на вызовах, претендующих стать определяющими действительность постоянно действующими факторами уже завтра: изменение ценностных установок от выживания к самовыражению, отчуждение традиционных ценностей индустриальной эпохи, замена денег в качестве всеобщего эквивалента на универсальные категории новой ликвидности — время и технологии [15].

Наука права как система приемов, направленных на то, чтобы доходить до высших выражений гуманистической целесообразности в предотвращении и преодолении противоречий между интересами членов общества при осуществлении личного выбора (частное право) и противоречиями самого общества и его членов (публичное право), должна признать в анализе форм организации будущего свое первое ограничение — невозможность создания такого инструмента установления общеобязательных правил поведения для неограниченного круга лиц и неограниченного набора типовых ситуаций, который бы позволял исключить противоречия и создать абсолютно равные условия для реализации своих однородных прав всеми членами общества. Вместе с тем попытки создания такого инструмента и составляют идеальную цель права, к которой оно призвано стремиться, и идеальный критерий оценки эффективности права — следование вектору, направленному к заведомо недостижимому пределу его возможностей.

Следствием понимания относительности возможностей правового регулирования общественно значимых отношений является признание вторичного характера регулятивной природы права по отношению к экономике [13. С. 16]. Попытки нивелировки противоречия между

взаимодействующими правовыми и экономическими феноменами за счет адаптации законодательства к быстро изменяющейся экономической фактуре привели только к выходу из-под контроля количественных показателей законодательной активности. А вызванное этим падение степени определенности закона и права создало почву для правового нигилизма. Именно об этом говорит Бруно Леони: «Определенность закона в смысле письменной формулы относится к ситуации, которая неизбежно включает возможность того, что действующий закон может быть в любой момент заменен последующим законом. Чем более интенсивным и ускоренным является процесс законотворчества, тем меньше определенности в вопросе о том, сколько времени будет действовать нынешнее законодательство. Более того, нет ничего, что мешало бы изменить... закон посредством другого закона, не менее “определенного”, чем предыдущий» [11. С. 98—99]. Эта ситуация создаваемой чрезмерной законодательной активностью правовой неопределенности и характеризует современный этап развития права.

«Новое знание о новом мире», предчувствуемое еще в середине 1990-х гг., превратилось в уверенность, что «мир меняется быстрее, чем наши представления о нем» [18].

Качественный переход в понимании происходящего делает необходимым осознание основных векторов перемен. Это прежде всего смещение основных экономических ценностей от общественных ценностей индустриального общества к невещественным ценностям общества постиндустриального, что, в частности, иллюстрируется «нематериальным характером источников информации» [1. С. 124] и «всеобщим стремлением к экономии времени и индивидуальной свободе» [15. С. 10]. Прима́т информационных технологий, применяемых в целях личного удовлетворения и противопоставляемых инструментам господства индустриального общества, уже стал реальностью.

Основные вызовы постиндустриального рынка, который «важнее демократии», сводятся к завтрашним реалиям, в которых окончательно атомизированное общество потребления еще дальше продвинется по пути отчуждения атрибутов «человеческого» индустриальной эпохи (труда, семьи, профессиональной, конфессиональной и иных идентичностей) к жизни «под покровом знаков и в отказе от действительности» [3. С. 15].

С осознанием нового темпа и качества общественной жизни должны быть связаны и новые направления развития системы права, и новые средства выбора форм участия в обмене продуктами своего труда посредством применения установленных самим обществом мер стимулирования и принуждения. Такой комплекс мер призван реагировать на угрозы нарушения общественного равновесия. Он должен стать безличным и равно эффективно действующим в неизменном контексте восприятия развивающегося права институтом.

Применение регулирующей силы права должно восприниматься не как самоцель, а только как необходимость, направленная на снятие противоречий в общественной и хозяйственной жизни. Такая реализация права как инструмента государственного принуждения должна

осуществляться в условиях понимания значимых ограничений права — невозможности окончательного урегулирования всех противоречий общественно-экономического характера и обусловленной особой ролью экономической реальности взаимозависимости закона и контекста.

3

Эффективная реализация норм права в условиях проектного капитализма возможна только в рамках концептуального подхода, непротиворечиво объясняющего динамику политических и социально-экономических процессов.

Один из таких концептуальных подходов — теория «порядков доступа» Д. Норта [17]. Суть его теории, изложенной в исследовании «Насилие и социальные порядки», заключается в том, что экономический рост и степень развития гражданского общества взаимозависимы и связаны с существующим социальным порядком. На смену «примитивному порядку» архаических обществ в последние 10 тыс. лет обозримой человеческой истории приходят «порядок ограниченного доступа» и более прогрессивный «порядок открытого доступа». Первый характеризуется доминированием личных связей, содержанием которых является применение силы для получения контроля над источниками ренты; а второй базируется на безличных институтах распределения и контроля доступа к источникам ренты, исключающим нарушение справедливого равновесия между общественными и частными интересами [17. С. 33—34].

Признание универсальной регулирующей роли права, исходящего из того, что «контроль над насилием — обязательное условие экономического роста» [16], может быть положено в основу построения и организации функционирования системы права будущего. Противопоставление порядков организации хозяйственной жизни на основе принципа распределения прав собственности на средства производства и отчуждения труда привело к противоречивым результатам. С одной стороны, один из порядков доказал свою состоятельность и выжил в борьбе. С другой стороны, система, спроектированная равновесной лишь при условии противостояния двух составлявших ее частей, явно страдает от отсутствия равновесия.

Подход Д. Норта освобождает от необходимости рассматривать мировую историю в терминах противопоставления. Не так важно противостояние Запада и Востока, социалистического и капиталистического способов хозяйствования, — важен правильный подход к пониманию поступательного развития способов организации общества: от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа.

Поступательность развития как экономической, так и правовой жизни общества нарушена сегодня отсутствием уравнивающих систему обеспечения политической стабильности противоположностей. Природа, не терпящая пустоты, ищет новые вызовы монополярной организации современного мира. Новые угрозы — будь то инфекционные заболевания, новые наркотические вещества, невиданные по масштабу

террористические акты, техногенные катастрофы и экологические угрозы, демографические потрясения и миграционные кризисы или совсем еще непредсказуемые вызовы будущего — объединены одним: они ставят под угрозу безопасность в трансграничном, глобальном масштабе. Отсутствие стабильности обусловлено не только новыми угрозами безопасности, являющимися следствием бурного развития новых форм взаимодействия человека и общества, но и тем, что в отсутствие уравнивающего взаимного давления двух противостоящих друг другу системообразующих макроэлементов каждый до этого малозначительный микроэлемент, содержащий угрозу безопасности, может претендовать на роль глобальной угрозы.

Ограничения права приобретают самостоятельное значение как постоянно действующие факторы, определяющие социальную, экономическую и политическую реальность: невозможность достижения идеальной цели права.

В эпоху максимального усложнения механизмов социального взаимодействия приведенные выше ограничения права приобретают самостоятельное значение как постоянно действующие факторы, определяющие социальную, экономическую и политическую реальность: невозможность достижения идеальной цели права — недостижимость абсолютной нормативной урегулированности всех социальных процессов тем очевидней, чем больше поляризация общества, а взаимозависимость права и контекста его применения тем явственней, чем больше диверсифицируются основанные на разделении труда социально-экономические факторы, формирующие контекст. Контекст, находящийся под постоянно изменчивым и стабильно растущим давлением ускоряющихся процессов глобализации, тенденций регионализации, ускорения технологического прогресса и распространения новых технических средств фиксации, хранения, обработки и воспроизведения информации, которые ведут, в частности, ко все увеличивающейся простоте доступа к скоростной и масштабной обработке невероятно больших массивов упорядоченных данных, становится гибким, менее предсказуемым и менее связным. Однако такой новый контекст не утрачивает своего определяющего значения в формировании условий для применения правовых норм. Наоборот, он все сильнее влияет на трансформацию права, способствуя выработке новых правовых норм, нацеленных на адаптацию права к новым условиям.

Ускорение глобализации проявляется в фактическом стирании границ государств, которые стали прозрачными для информации, капитала и рабочей силы. Предпочтение, отдаваемое перемещаемыми капитала-

ми и рабочей силой наиболее привлекательным регионам внутри экономически развитых государств, ведет к поляризации уровня доходов и организованности социально-экономической жизни. Необходимость поддержания стабильности в менее привлекательных регионах ложится дополнительным бременем на государство. В наиболее привлекательных регионах за счет притока трудовых мигрантов и высокой концентрации капитала усложняется социально-экономическая обстановка, влияющая на формирование новых форм неправопослушного поведения. Ситуация усложняется технологическим ростом, который создает предпосылки для применения технических достижений в криминальных целях.

Аналогичные процессы протекают в сфере занятости и личного досуга. Сферы наибольшей привлекательности, связанные с новыми информационными технологиями, характеризуются постепенным стиранием границ между работой и досугом, обязанностью и увлечением: общественные организации и волонтерство, домашняя занятость (*home office*) и программирование, диспозитивность в регулировании правоотношений работодателя и работника и многие другие тренды [14. С. 170—172].

Постепенная нивелировка фундаментальных различий индустриальной эпохи, затрагивающая профессиональные, конфессиональные, возрастные, семейные и другие ценности — основы естественного порядка индустриального общества, представляется революционным социальным сдвигом, чреватым революцией и в праве. Но эта революция не будет ни первой, ни последней. Многие правовые аксиомы, например, постулат об имманентно присущем демократическому государству тройственном разделении властей — не были таковыми еще каких-то два века назад. Революции в правосознании и в порядках легального регулирования случались и раньше при переломах социально-экономических укладов. И если эти революционные изменения становились заметнее всего в насильственных проявлениях государственной власти, то в концепции правопонимания, в самой сути взаимодействия права и контекста такие изменения бывали не всегда очевидны. Тем не менее важность концептуальных основ порядка взаимодействия права и контекста имела и имеет определяющее значение и для формирования конкретных путей правопонимания, и для становления практики правоприменения, и для реализации функций правоохраны.

Перемена порядка реализации высшей власти в Древнем Риме от республики через гражданские войны к империи заняла почти целый век и привела к своему логическому завершению только через полтысячелетия — и в Дигестах Юстиниана мы слышим живую речь римских юристов классической эпохи¹. За то время, что история преодолевала дистанцию от обличительных речей Цицерона до стройных кодификаций Юстиниана, в деловой и юридический обиход прочно вошли не только осознание неизбежности примата единоличной власти, проскрипции, *imperium*, как властное указание и как способ правового регулирования,

¹ Процесс обособления власти — не уникальный древнеримский феномен, а транскультурная историческая универсалия [2]. В целом о перераспределении власти в доцарскую эпоху см. [25].

но и каноническое право, разделение властей на светскую и духовную (революционно отделившее императора от *pontifex maximus*), право мигрантов (доказательством существования которого является введение должности *praetor peregrinus*), и наконец — феномен юридического лица как правосубъектной единицы хозяйственных отношений.

Технический прогресс и интенсификация торговли приводят к вовлечению правовой системы в следующий этап развития правопонимания и правоохранения — этап эпохи милитаризма и империализма. Век двух мировых войн дал примеры самых могущественных и самых массовых правоохранительных органов, которые — независимо от того, существовали ли они в странах, в которых господствовали порядки открытого доступа (США, Великобритания) или порядки закрытого доступа (Германия, Италия, Испания 1930—1940-х гг.), — организовали такое тотальное участие населения в обеспечении безопасности, какого не знала ни одна предшествующая эпоха. Общество потребления приступило к массовому потреблению государственной услуги обеспечения безопасности.

Для этого периода характерно максимально возможное выражение тенденции, описанной Мишелем Фуко, — закрепощение человеческого тела, духа и времени в линейной последовательности общественных институтов, организованных по принципу «паноптической модальности власти» ради соблюдения дисциплины в школе, на фабрике, в тюрьме, в армии [26. С. 196, 270].

Неизбежное с развитием индустриальной экономики отчуждение по-тестарной функции от общества выразилось в обособлении центральной власти. А небывалая централизация власти привела к созданию и разрастанию централизованного и иерархически организованного аппарата обеспечения безопасности с полномочиями распределенного на все общество силового воздействия. Эти процессы привели во взаимодействие два разнонаправленных тренда развития: с одной стороны, уменьшение объема субъективного права каждого члена общества, с другой — гуманизация права. Оба тренда стали следствием как необходимости поддержания порядка во все более усложняющемся обществе, так и осознания невозможности доведения государственно-го принуждения в виде непосредственного насилия до каждого члена общества в каждом конкретном случае. Переход государственного принуждения от примата репрессивного метода к методу превентивному также явился следствием диверсификации форм организации правоотношений со все более возрастающей сложностью, вовлекающих новые технологические инструменты. Праву для защиты интересов общества и государства со временем стали не нужны массовые репрессивные механизмы, потому что большей эффективности правоохранительной функции можно добиться, предотвращая, а не наказывая.

4

Развитие технологий, усложнение структуры правоотношений, увеличение скорости законодательных изменений, повышение интенсив-

ности обмена информацией, капиталом и человеческими ресурсами между разными странами и разными правовыми системами привело к коренным переменам в экономической жизни и подвело общественные институты к границе очередного революционного перелома в правовой жизни [5. С. 114]. А с учетом того, что большая часть изменений в экономической жизни, порождающих изменения в правовом регулировании, связана с изменением структуры разделения труда и в самом общем виде может быть поставлена в прямую зависимость от последней, реально предположить возможность коренных изменений в плане появления не только новых форм экономической деятельности, но и новых форм организации труда, а значит — изменения социальной структуры в самом ближайшем будущем [20]. Усложненная структура разделения также обусловит новые формы проявления зависимости права от изменений в экономической жизни, которые будут проявляться все более масштабно и непредсказуемо, — в этом выразится второе естественное ограничение права. И в этом вновь осваиваемом общественной жизнью, экономически обусловленном пути создания новой правовой реальности будет велика роль информационных технологий, которые приведут не просто к ускорению создания новых знаний, но к получению результатов, «к которым нельзя было бы прийти на рынках, не оснащенных компьютерами (к примеру, комбинаторные аукционы и механизмы поиска устойчивых связей)» [21. С. 213], т. е. к получению качественно новых знаний, а значит — к формированию новых условий для очередной перестройки разделения труда и, опосредованно, к возникновению новых экономически значимых правоотношений, которые с неизбежностью обусловят появление новых правовых норм.

Трансформация формы и функций государства не может оставить без последствий эффективность общественно значимой функции права как всеобщего регулятора. Пропасть между интересами политической машины и ее капитанов, с одной стороны, и интересами общества, с другой, увеличивается небывалыми темпами. Это составляет один из главных вызовов эффективности и выживаемости для системы охраны общественно значимых прав и свобод человека. «Проблема в том, — отмечает президент Фонда исследования экономических исследований Джереми Рифкин, — что политическая система всегда была нацелена на представление крупных коммерческих интересов, а среднему избирателю и налогоплательщику не оставалось ничего, кроме надежды, что их представители сумеют ухватить остатки с барского стола и принести в свой район до того, как они достанутся другим» [19. С. 187].

Сегодня описанная поляризация может принять терминальный характер, исключая возможности свободного развития для отдельных слоев общества, либо привести к трансформации экономически значимых общественных отношений, в которой будет справедливым определение «проектного» характера будущего общественного договора, данное Люком Болтански: «Отношение между большим и малым справедливо, когда, в обмен на доверие, которое малые оказывают большому, и на их старание включиться в проекты, большие... преумножают

значение и самых малых, чтобы повысить их способность к занятости, то есть их способность после одного проекта включиться в другой». Такой переход к новой проектной модели построения социально-экономических отношений требует признания начала трансформации привычного государственного порядка в два новых системных начала организации общества, описанных В. С. Назаровым, одно из которых организовано на доминировании ценностей выживания («малые» в терминах Л. Болтански), а другое — на доминировании ценностей самовыражения («большие» в терминах Л. Болтански) [4. С. 34—35].

Речь идет об оформлении сосуществования двух легальных порядков: порядка с доминированием ценностей выживания и порядка с доминированием ценностей самовыражения. Правовые установления эпохи проектного капитализма будут ориентированы на организацию функций права так, чтобы удовлетворять потребности в безопасности внутри каждого из двух зарождающихся социальных порядков и предотвращать последствия возможных столкновений их интересов.

Из истории права известно, что законодательное урегулирование общественных противоречий далеко не всегда достигает своей гуманной цели, более того, «существует много примеров случаев использования законодательства как инструмента сохранения неравенства» [23. С. 451]. Некоторыми исследователями даже делается вывод, что право изначально (по крайней мере в европейской традиции последних примерно 15 веков христианской культуры) задумано как идеальный инструмент воспроизводства мифических смыслов желаемого, но недостижимого общественного порядка [6. С. 139].

Логические предпосылки процесса развития права и его охранительной функции последних двух-трех столетий, обусловленные не только его имманентными ограничениями, но и изменениями социально-экономических условий жизни, способствовавшие созданию современных систем правопонимания, правоприменения и правоохраны, вероятно, сохраняют свое влияние на определение качеств запрещенного и дозволенного во все доступные прогнозированию последующие периоды жизни человечества [26. С. 24, 103]. Но объекты воздействия права, как и способы его воплощения в жизнь, будут изменяться. В предстоящую эпоху проектного капитализма это будет не та реальность, которая сопровождает нас последние 200 лет после Венского конгресса, не та реальность, которую привычно втискивают в рамки Ялтинского, Потсдамского или Бреттон-Вудского мира, но та, пока еще только смутно видимая, реальность, в которой «нет иных санкций, кроме отталкивания и исключения», в которой «инструменты справедливости отличаются в основном превентивным характером» [4. С. 234].

Ценностно ориентированные исследования социально-экономической и экономико-правовой направленности, ставшие популярными на рубеже тысячелетий, не оставляют сомнений в том, что неоднородности и противоречия в ценностных установках служат «питательной средой» преступности [10. С. 306]. Переход к новой правовой реальности проектного капитализма способен снять свойственные переходно-

му периоду противоречия неопределенности и привести к новому, более стабильному легальному порядку. Обезличенный дух наступающей проектной эпохи как никогда ранее благоприятствует и безличному механистическому пути исполнения наказания, который будет являться, пожалуй, самым ярким воплощением принципа уголовной санкции вообще, выраженного Энрико Ферри еще в XIX в.: «...общим, постоянным и существенным признаком всех... бесконечно разнообразных форм реакции и социальной санкции, независимого от того, соединяются ли они с обычаями и с правилами приличий или представляют принудительную социальную санкцию, служит тот несложный, но чрезвычайно важный факт, что сама санкция никогда не зависит от воли и от нравственности действующего лица» [24. С. 387].

Рост роли индивидуализации в построении систем ценностей приведет к росту рисков увеличения воздействия проявления единичных случаев правового нигилизма на все общество — неправопослушный член общества будущего, вооруженный компьютерной технологией, может причинить значительно больший ущерб, чем вооруженный даже самым современным оружием сегодняшний преступник. В таких условиях роста личной ответственности на фоне усложнения информационных технологий все большее значение приобретает формирование контекста, исключающего проявления правового нигилизма и неправопослушного поведения. Культурные и идеологические условия, в которых субъективная оценка значимости такого роста личной ответственности будет протекать индивидуально, но по установленным в результате общественного согласия закономерностям, должны позволить прогнозировать формирование основных направлений развития личности — профессионально, культурологически, социально, географически и конфессионально обусловленных. Унификация основных моделей воздействия условий среды и контекста правоприменения на все виды антропосоциологического разнообразия общества будущего должна противостоять негативным тенденциям поляризации нового общества по основным качественным показателям уровней свободы потребления, самообеспечения и самовыражения. Это приведет к неизбежной гомогенизации правовых норм, их сближению с иными социальными регуляторами, направленными на выработку универсального многоуровневого контекста, способного снять базовое противоречие между разными уровнями правовой культуры одного общества, разными уровнями развития стран одного мира².

На уровне взаимодействия личности и общества ведущим инструментом, который в условиях роста личной ответственности перед обществом должен снять противоречия контекстов, становится профилактика

² Сегодня это противоречие существует, проявляясь прежде всего в несовпадении легальных порядков и контекстов разных стран и культур, что затрудняет достижение эффективного уровня понимания и реализации задач глобализации. Об этом говорит Фрэнсис Фукуяма: «Из-за непонимания значения норм права программы, разработанные богатыми странами для улучшения норм права в бедных странах, крайне редко приносят положительные результаты» [27. С. 320].

преступности, основанная на гипернаблюдении, о котором говорит Жак Аттали [1. С. 172—181]. При расширении видов социально одобряемой активности, повышения вовлеченности человека в информационное общество, усложнении форм гражданского оборота неизбежными становятся ситуации, в которых противоправное посягательство может быть реализовано в форме и в сроки, не позволяющие его пресечь и возместить вред потерпевшей стороне просто в силу превосходства задействованной преступником технологии над технологиями расследования, признаваемыми законными. Само преступное посягательство остается преступным независимо от того, совершено оно с использованием высоких технологий или без них, но объективная сторона преступления может иметь характеристики, которые не позволяют эффективно бороться с ним и с его последствиями [28]. В таких условиях гипернаблюдение — путь к общей превенции, охраняющий законные права членов общества [33].

5

Постепенное включение тенденций все более безличного регулятивного участия права в жизни общества и применение все новых превентивных ненасильственных технологий государственного принуждения может привести к осознанию возможности использования искусственного интеллекта в решении типовых юридических задач. Поскольку «там, где можно написать детальный, не допускающий различных трактовок профессиональный стандарт, через 10—20 лет человек, скорее всего, может быть заменен машинами и программами» [15. С. 16], можно говорить о новых критериях профессионализма. Если типовые и примитивные функции, не требующие ассоциативных, эмоциональных и синтетических способностей человека, могут стать зоной ответственности автоматизированных алгоритмов, то юрист будущего видится как носитель творчески изменяемого и постоянно обогащаемого практикой обобщения новых форм юридически значимого хозяйственного оборота доктринального знания, наделенный доступом к неограниченным массивам прецедентной информации, а также информации смежных научных дисциплин (социологии, антропологии, экономики, статистики, политологии, культурологии, психологии и информационных технологий).

Трансграничность, универсальность, технологичность, экономичность и усиление централизованного контроля за поведением (в том числе благодаря технологиям получения и анализа больших массивов информации) на фоне разгосударствления (утраты былой значимости и функциональной эффективности государства) — вот новые тренды права, которые примут новые формы в эпоху проектного капитализма и во многом определяют его облик.

Переход от национального государства к новому типу организации общественно-экономических и общественно-политических отношений, описанный японским ученым Киниче Омаэ, ведет к приобретению властными отношениями распределенного и индивидуализированного

характера в рамках постгосударственных образований. Такие постгосударственные образования будущего автор называет «регион-экономиками» и видит в современных тенденциях технологически и геополитически обусловленных локализаций особенностей развития бизнеса доказательства справедливости своего прогноза [31. Р. 8]. Развитие конкурентных механизмов реализации права в целях защиты охраняемых законом общественных отношений силами частных организаций (например, в случае исполнения вступившего в силу решения суда) также является проявлением общей тенденции разгосударствления, децентрализации отдельных функций государства [9. С. 30].

Эти тенденции развития общества и обусловленные ими перемены в роли и формах проявления права являются следствием трансформации власти, занимающей центральное место в истории человечества. С момента осознания божественной власти Творца над человеком, распространяемой на всех по самому своему определению, переходя к власти жреца, а затем — к божественного же происхождения власти монарха, власть оставалась внеземной и абсолютно легитимной. Затем, постепенно меняя в глазах общества источник своего происхождения от непознаваемо божественного к общественно-договорному, власть десакрализировалась, и право стало инструментом удовлетворения всеобщей потребности в уравновешенности интересов. И сегодня, после того как источник власти снова утрачивает прозрачность, право постепенно индивидуализируется, но уже в объеме, необходимом только для установления личностно значимых границ смены идентичности в рамках самовыражения. Такая трансформация власти и права влечет за собой трансформацию идеи справедливости и справедливого воздаяния, развивающуюся от принципа талиона, затем божественной справедливости к принципу примата прав личности [29. С. 187—191].

Литература

1. **Аттали Ж.** Краткая история будущего / пер. с фр. СПб. : Питер, 2014.
2. **Баренбойм П.** Трактат о библейском начале философии права. М. : ЛУМ, 2012.
3. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структура / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М. : Республика : Культурная революция, 2006.
4. **Болтански Л., Кьяпелло Э.** Новый дух капитализма / пер. с фр. под общей редакцией С. Фокина. М. : Новое литературное обозрение, 2011.
5. **Глэйзер Э.** Богатство и общество самосохранения // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее / под ред. Игнасио Паласиоса-Уэрты ; пер. с англ. А. Шоломицкой ; науч. ред. пер. Т. Дробышевской. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.
6. **Исаев И. А.** Топос и номос: пространства правопорядков. М. : Норма, 2007.
7. **Кастельс М.** Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных. М. : ИД Высшей школы экономики, 2016.
8. **Комлева Н. А.** Глобальные корпорации как акторы современного геополитического процесса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 3.
9. **Кревельд М. ван.** Расцвет и упадок государства / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. Москва ; Челябинск : ИРИСЭН : Социум, 2016.

10. **Кудрявцев В. Н.** Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 2005.
11. **Леони Б.** Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина ; под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2008.
12. **Леонов Л. М.** Собрание сочинений : в 6 т. М. : Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 5: Пирамида. Загадка, Забава (гл. I—VII).
13. **Маркс К.** Критика Готской программы // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19.
14. **Мас-Коллел А.** Кейнс и внуки — его и наши // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее.
15. **Назаров В. С.** Мир и дух проектного капитализма. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2014.
16. **Норт Д. и др.** В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности : доклад на XIII международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3—5 апреля 2012 г. / пер. с англ. М. Дондуковского и Е. Леонтьевой ; под науч. ред. А. Яковлева, Л. Полищука. М. : ИД Высшей школы экономики, 2012.
17. **Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М. : Изд-во Института Гайдара, 2011.
18. **Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.** Россия и Запад: текущий момент и историческая ретроспектива // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1997. № 3.
19. **Рифкин Дж.** Третья промышленная революция : Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. 2-е изд. / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2015.
20. **Рождественская Я.** Организация работы меняется все быстрее // Коммерсантъ. 2017. 27.03. — <http://kommersant.ru/doc/3254053>
21. **Рот Э. Э.** Через 100 лет // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее.
22. **Рулан Н.** Юридическая антропология / пер. с фр. ; отв. ред. акад. С. Нерсисянц. М. : НОРМА, 2000.
23. **Стиглиц Дж.** Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / пер. с англ. М. : Эксмо, 2015.
24. **Ферри Э.** Уголовная социология. М. : ИНФРА-М, 2005.
25. **Фрэзер Дж.** Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М. : Политиздат, 1980.
26. **Фуко М.** Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.
27. **Фукуяма Ф.** Государственный порядок / пер. с англ. В. Л. Гончарова. М. : АСТ, 2015.
28. **Хазин М. Л.** Орудие преступления — биткоин. — <http://khazin.ru/khs/2272729> (дата обращения: 23.09.2017).
29. **Чубинский М. П.** Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / сост. и вступ. ст. В. С. Овчинского, А. В. Федорова. М. : ИНФРА-М, 2008.
30. Florida becomes the first state to file charges of money laundering involving bitcoin in what could be the digital currency's moment of truth // Associated Press. — <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2601242/Florida-state-file-charges-money-laundering-involving-bitcoin-digital-currency-moment-truth.html> (дата обращения: 23.09.2017).
31. **Ohmae K.** The End of the National State. The Rise of Regional Economies. N. Y. etc. : Free Press Paperbacks published by Simon & Schuster Inc., 1995.
32. **Pelaez V.** The Prison Industry in the United States: Big Business or a New Form of Slavery? — <http://www.globalresearch.ca/the-prison-industry-in-the-united-states-big-business-or-a-new-form-of-slavery/8289> (дата обращения: 23.09.2017).
33. **Watkins C., Mazerolle L. G., Rogan D., Frank J.** Policing. Bradford, 2002. Vol. 25. Is. 2. — <http://cjonline.uc.edu/resources/criminal-justice-research/technological-approaches-to-controlling-random-gunfire-results-of-a-gunshot-detection-system-field-test/> (дата обращения: 23.09.2017) ◆